

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечет установленную законодательством ответственность.

Наташа Подлыжняк

Лайн

Я танцую, как никогда не танцевала.

Я чувствую защиту,

Слева, справа, сзади знакомые.

Мои друзья, мои подруги.

Они защитят от неуместных прикосновений, взглядов,

От оценок меня и моего тела.

Когда я прихожу в клуб, я копирую движения людей вокруг. Я обещаю себе этого не делать, не думать о других, и я делаю это снова. Этот парень с обнаженными бицепсами, он знает, как танцевать под такое. Движения должны повторяться, но сначала надо их придумать. Эта худая, изящная девушка в черной сетке, она слышит ритм лучше меня. Надо повторять и не опаздывать. Взгляды слева, справа, что думает человек, который танцует позади? Мне нравится, когда появляются tribal, organic, ethnic sounds, льется вода, звучат конги и флейты, под такое я знаю, как танцевать, я чувствую. Diverse cultures and sounds, specially rooted in Latin America, a wide range of tools to sculpt sound to discover new sonic textures and possibilities¹ — это я читаю описание артиста, который сохранен в “любимые треки”, чтобы понять, как объяснить себя. Но потом начинается другое техно, я снова теряюсь. Ищу глазами, как двигается парень с обнаженными бицепсами.

¹ About Nicola Kruz on Spotify.

Сегодня так не будет. Сегодня 1 января 2025 года. Мы пришли сюда в 16pm. Такси — потому что нас трое и можно скинуться — остановилось в промзоне, водитель сказал das ist here, еще только сумерки. Уставшие фейсеры, хэппи нью ер, а что, уже наступил следующий год? В клубе нет времени, нет дней, нет лет. Есть кожаные диваны, человеческая кожа ног и рук, коктейли на баре, грязные туалеты. И тут есть наркотики, которые делают всех живыми сутки, одни или даже ни одни.

Кому из людей тут НА САМОМ ДЕЛЕ есть дело до того, как я танцую? Есть дело до кого-то? Есть дело до себя?

MEMORY LOST²

— Nan, can you hear me?

— ...

— Nan?..

— yes, who is this?

— Are you sleeping? Let me know what's happening -

— С какого времени ты здесь?

— Я думаю, с двух часов утра.

— Какого дня?

— Что ты имеешь в виду? Я думаю, это был вторник... Нет, фак, слушай, я под кайфом. Так что не имею никакой идеи. Ты будешь?

WHAT IS THE SENSUALITY AND ECSTASY OF BEING HIGH?

² Digital slideshow на выставке Наны Гордин в Новой Национальной галерее Берлина.

Группа красивых обнимающихся парней стоит в проходе к туалетам. Подсвеченная зеленым дорожка, провожающая к кабинкам. В центре крючок для туалетной бумаги. Её практически никто не берет. В кабинки заходят по двое-трое-четверо. Нас в кабинке шестеро. Я проверяю, употребляют ли мои новые знакомые то, что предлагают мне. Пока мы стояли в очереди и пока не поняли, что группа красивых обнимающихся парней стоит в проходе просто так, я пожимала сухие ладони, слушала и не запоминала имена, один парень сказал, что его корни из Карачаево-Черкесии. У другого парня был браслет на предплечье. Мне нравились его кудряшки и располагающая квинность. Достаточно ли этих фактов, чтобы употребить наркотики, которые тебе предлагают?

— М*****н? — я вздрагиваю, — нет, нет, такое я не буду. Может быть, есть с***ы?

После того, как все снюхали по дороге, line, как говорят на английском, я осталась в кабинке с девчонкой, и мы писали по очереди. Она тоже не помнила, когда пришла сюда.

Welcome

please take a seat yes, I know you're late.

What I want you to understand is that the song doesn't necessarily exist.

It wasn't composed, it wasn't written, it wasn't produced,

in fact, the song is happening right now

In your brain.

You are the composer.³

все размывается,

нет, ничего не меняется

появляются силы

³ The Song by Stimmung.

становится ПОНЯТНО, как двигаться

пропадает связка между тем, как я ХОЧУ двигаться и как я двигаюсь

потому что теперь я и есть мое желание

все люди вокруг свои

Слева, справа, сзади знакомые.

Мои друзья, мои подруги.

Их прикосновения, их взгляды — моя защита, сейчас у всего есть уместность

время исчезает

кто-то целует, обняв меня сзади, и я целую в ответ

— Yes, who is this?

— Are you sleeping? Let me know what's happening -

У меня есть право быть тут

Я танцую так, как хочу, тело становится все мягче.

И то, как я чувствую музыку, отражается в том, как я двигаюсь.

Представь, что есть реальность. Да, меня тоже бесят в разговорах, когда, говоря про себя, говорят «ну вот, например, ты». Но я сейчас не про себя, а про тебя. Представь свою реальность. Твой коридор, кухня и туалет. Есть комната, в которой есть место для сна, где-то лежат твои вещи. Ты идешь по коридору, ты хочешь серотонина, потому что в этом коридоре есть только серость.

Я открываю деревянную дверь Altbau, ручку надо опустить до конца, чтобы замок вышел из паза, со скрипом дверь открывается, белые стены. Серые стены, потому что в окно не попадают солнечные лучи. Их нет. И холод.

В Берлине этой зимой я исследую холод и то, что он со мной делает. В квартире +17. Холодно ли это? Да, когда за окном ноль. Это дом, в который не хочется возвращаться. Засидевшись за работой больше двух часов, я вскакиваю от того, что замерзли пальцы на ногах. Я иду на кухню, включаю электрическую плиту — да, это совсем не экономично — я держу над раскалившимся чугунным кругом руки. Он греется слишком медленно, я иду в ванну, кручу красный кран, сначала вода идет холодная, я громко и по-русски говорю: блять.

Чтобы не мерзнуть, я работаю в кафе или библиотеке. Я занимаюсь спортом, я бегаю по утрам, я грею наполненный до краев — так что вода выплескивается — чайник, чтобы наполнить синюю грелку, я подкладываю ее под ноги, залезаю под одеяло, я подтягиваю грелку к носу, когда он немеет. Я больше не сплю без носков и термобелья. Когда у меня остается мужчина, я чувствую, как во сне он стягивает с меня одеяло, и злюсь.

Я прихожу в клуб в телесном боди, на котором нарисованы татуировки. На спине — женщина в одних трусах, раскинув ноги, отвечает на телефон: *why'd you only call me when you're high?* Дома меня пробрала дрожь оттого, что я разделась и надела на себя это боди. Соски стали твердыми.

В клубе я чувствую, как на спине остается влажная дорожка от капли пота. Мне наконец-то жарко. К лицу приливает кровь, я не хочу, чтобы мне когда-либо еще было холодно. Я боюсь устать и захотеть уйти отсюда.

Склонив голову на руки, он застыл и еле дышит
Его тело мускулистое, напряженное
Как будто от сна он окаменел
Из крана капает вода, эрл грей покрылся масляными кругами, табак рассыпан,
припорошенная э*****и тарелка

Он смотрел в окно, как мать отдает его собаку другому человеку
Ему четырнадцать
Позднее найдет снятое объявление на авито с фотографиями собаки, которые он и
сделал

Он увлекался фотографиями, he still does
— Я хочу снять документалку из шелтера, где живу
— в комнате так жарко, — замечаю я
— мне разрешили, — он игриво пожимает плечом
Нужен компьютер, в шелтере его сломали, пособие так и не прислали. На полке
лежит бейджик с лицом хозяина квартиры.

Я смотрю в окно, это Митте, я еще никогда не оставалась ночевать в этом районе. Я
греюсь, чувствую благодарность к человеку на бейдже. На кухне сумерки, его застывшее
тело. Я звала лечь на кровать рядом со мной, он не пришел, и лишь раз он позволил обнять
его.

Пролетают снежинки, первый снег в Берлине, в доме напротив на разных этажах горит свет: тут розоватый, тут желтоватый, гирлянда. Бежевый диван, деревянный паркет, плед — гостиная с выходом на балкон. Большой обеденный белый стол, ваза с еловыми ветками, мужчина сидит с планшетом — кухня. Полка с книгами, коричневая двухэтажная кровать, полосатые занавески — детская. Круглые шары ламп, свечи, марокканский ковер. Ноги замерзли, я глажу его по спине, валун, скатившийся с горы к озеру с ледяной водой. Землю покрывает снег.

— Я потерял время или оно меня, — поднимает он голову над локтями, — отложил дела, мне пишут люди, а меня нет.

Его, правда, нет. В этой квартире два призрака. Блуждающие, не соприкасаясь, без возможности соприкоснуться, до глубины тонущие, где-то там, если оттолкнуться от дна, наступит облегчение.

Я читаю первые страницы Юрия Мамлеева, шатун убивает человека и садится есть бутерброды у его головы. «Расскажу-ка я тебе, Григорий, о своём житье-бытье».

— Давай делиться травмами, — говорит он. — Мой вот младший брат ушел на войну.

Музыка витает вокруг меня, я раздвигаю ее руками, мы рисуем, я приподнимаю футболку, на моей спине шестиконечная мандала, это священный символ. На маленьком листе его черные квадраты, летят искры электричества. На полу черные следы карандаша. Я рисую знак бесконечности фиолетовой гуашью.

«Здравствуй, одиночество. Белое до слез. Ты мое пророчество принял не всерьез»

Я кричу слова песни, и в первые не боюсь быть громкой, заметной, не боюсь, что меня услышат.

— Люююююдиини!

Он складывает ладони у рта, крик прыгает по безлюдной улице. Мы ворует два хрустальных бокала и разбиваем один. В нашей стране говорят «на счастье».

На часах застыли без двух минут восемь. Утром землю покрывает снег.

«Твои снега останутся твоими, пройдут дожди и смоят все снега твои»⁴

И перед тем, как на листке нарисовать, он скажет:

— Хочу семью.

Я отказываюсь нюхать еще и еще, а он уходит глубже. Начинает сосредоточенно писать кому-то в grindere. Он говорит мне:

— Это так развращает. Ты можешь трахать кого хочешь, сколько хочешь, ты заходишь туда, они там все для этого. От этого невозможно оторваться.

Я просыпаюсь с утра, его нет, я засыпаю. Я просыпаюсь, я бужу его каменное тело на кухне, он мечтательно улыбается, отвечает, что все было хорошо, что сначала было неплохо, но потом пришел еще один человек и стало совсем замечательно.

замечательно

⁴ Здесь и выше цитаты из песни Валерии «Метелица», приведенные в тг-канале 4 января 2025.

я смотрю в окно, и отпиваю масляные круги эл грея.

memory lost

nan, are you there? Can you hear me?

yes, who is this?

Are you sleeping? Let me know what's happening -

когда мы выходим из такси, она невообразима красива

рассветает, и свет такой чистый

он тихо, уверенно, медленно покрывает всё, что упало, потерялось, выросло на этой
улице

это мы, это кривые разбомбленные-достроенные дома, это мусор и выставленная к
углу бутылка

улица молчит и одновременно все еще гудит от оставленной на ней энергии,

только что тут были люди, они пили, курили, перебегали от одного светящегося
входа в другой, свет был точечный, запотевшие окна и полутона

когда пришел рассвет никого уже не было, но энергия еще шумит,

ветер поднимает её к верхушкам кленов. Цвета с лиц, волос, одежды забрали стены,
как делают это каждое утро, стали еще ярче, вырви глаз. Обрывки афиш, объявлений,
граффити, розовая дверь, зеленый балкон, бумажный сверток с каплями мангового соуса
катится к двери школы.

Теперь я слышу, как гудит в ушах, и что цвета, запахи стали ярче, а фактура домов, заусенцы и многослойность наклеенных афиш, как кожа города, осязаемы. Я стою в центре дороги. Машин нет. Я вижу длинную влажную по углам дорогу, в которой бликует небо.

Я делаю глубокий вдох. Я не могу вместить это. Я все еще чувствую это внутри, уже немного чувствую свою ограниченность, но все равно я еще одной ногой там. В тотальном разрешении себе быть. Я рада, что сбежала из клуба и что это закончилось, и одновременно я чувствую благодарность. Я иду в кроссовках, я иду босиком, эта улица, где мне есть место.

В доме собрались гости, все чокаются и роняют внутрь стопки крепкого алкоголя. Ближе к трем часам ночи ко мне наклоняется подруга и говорит: «говорят, есть наркотики, вон они пошли в комнату». Внутри шевелится оживление, оно другого качества, чем оживление вокруг, оно любопытное и пугающее. Я ведь уже начала засыпать, не хочу пить еще больше, чтобы завтра было похмелье, но уезжать тоже не хочется, дома меня никто не ждет. Мы идем в ту комнату.

На комодѣ вещи, занимающие всю эту поверхность в будний день: бумажки, книги, немного косметики, сдвинуты резким движением в кучу. После того, как из бумажника вынимается десять евро, он остается на вершущке этой кучи. Мне достается последняя дорожка, я аккуратно собираю пластиковой картой крупинки с блестящей подставки. Или что это было? Зеркальце? Я не могу вспомнить, всё, что я помню о комнате, это эта куча вещей и голодные глаза того парня. После того, как я собрала крупинки и занюхнула — нос зачесался, завтра с утра пойдет кровь, тонкие сосуды, когда они сохнут, они лопаются, как белые ягоды снежнoягодника, если сорвать их и придавить ногой, белые ягоды и красные

ягоды рябины на голых ветках землянистого канала — то, что я постоянно катала пальцами в ладони этой зимой. Я занюхнула, и он попросил эту подставочку снова, стал жадно собирать пальцем крупинки крупинки. Хозяин квартиры, он же хозяин наркотиков, вышел.

— Что ж, теперь можно продолжать веселье, — сказал кто-то, и я подумала, что надо тоже выходить.

— Мне бы еще немножко, — сказал парень и зашуршал в куче отодвинутых вещей. На секунду даже показалось, что он слегка дрожит, так дрожит моя собака от ожидания, что мы сейчас выйдем из квартиры. Он открыл ящик комода, там были разные зип-пакетики. Он покрутил в руках один, потом другой. Я сказала:

— Слушай, может не надо, ты же не знаешь, что где.

— Нет, нет, сейчас, я видел, откуда он высыпал, — он открыл третий пакет, открыл и каким-то особенным глазом заглянуть внутрь, хотя пакет и так был прозрачный, и утвердительно кивнул.

Я смотрела, я не хотела смотреть, я не могла перестать смотреть, не испуг, страх зародился и разросся внутри. Рядом с наркотиками всегда есть чрезмерность.

Когда я впервые попробовала наркотики с тобой, ты сказал, что это нормально. Ты сказал доверять тебе. Ты сказал, что ты знаешь, как лучше.

Парень сделал дорожку и в одиночку снюхал её, затем закрыл пакет, снова открыл, зацепил мизинцем немного порошка и провел им по десне. Затем он быстро спрятал пакетик вместе с другими обратно, аккуратно прикрыв ящик. Он улыбнулся, опустился на кровать — эта комната — это спальня хозяев. Парень осмотрел всех присутствующих и сказал:

— Ну чо, гайз, этот год будет получше?

Я быстро открыла дверь и вышла. Страх разросся еще больше от мысли, что я могу как-то сильно напугать себя сейчас, и под наркотиками я не могу контролировать себя, то есть я могу загнаться, тогда зачем все это было вообще, я решила переключиться и подошла к ребятам, которые танцевали под Агузарову.

Недавно гостила в чудесной стране
Там плещутся рифы в янтарной волне
В тенистых садах там застыли века
И цвета фламинго плывут облака

все размывается,
нет, ничего не меняется
появляются силы
становится понятно, как двигаться
пропадает связка между тем, как я хочу двигаться и как я двигаюсь
Я в чудесной стране
Меня ты поймёшь

Периодически я оборачивалась на дверь, кроме меня, из нее никто больше не выходил. Я запрещала себе на нее смотреть.

Когда мы познакомились, я не сразу поняла серьезность фразы, которую ты сказал мне в нашу первую ночь: «я наркоман и алкоголик», сказал ты. Я пошутила, что мы тоже с родителями пьем вино за каждым ужином. А наркотики? Наркотики я тогда еще не

пробовала. Любопытно и пугающе — это про наши с тобой отношения. В ту первую ночь ты принес кое-что с собой, это был м*****н, но я не разбиралась. После можно было валяться на диване, чувствуя покалывания во всем теле и удивляясь, что одно касание разрастается в мурашки по всему телу. Ты прикоснулся пальцами к моим, и мне казалось, что это между нами притяжение, что ты особенный. Я тогда не знала, что это во многом эффект наркотиков.

Когда мы уже были женаты, м*****н продолжал появляться тонкими дорожками на обеденном столе, на придиванной столике. Несдуваемая пыль, сколько бы я не протирала полки влажной тряпкой и полиролем.

— Мне уже хватит.

— Нет, ты не понимаешь, сейчас тебя попустит, мы рассинхронимся.

— Но сейчас уже хорошо.

— Надо еще. Поверь мне, пусик. Ты мне доверяешь? Я же с тобой.

— Доверяю.

— Вот держи, я сделал тебе небольшую.

Страх разрастается, мне тревожно, пусик, быть все время на острие — это твое желание, не мое, мне уже больше не надо, я не хочу, не надо. Пожалуйста.

Любовь заставляла меня забывать границы моего тела. Ты просто подходил, когда я работала в кафе, и тебя сразу хотелось обнять. Так было не только в первое время, так было всегда. И когда я поняла, что я вылетела из твоей орбиты, и у меня есть немного времени, чтобы оторваться, возможно, это единственная возможность, первое, что я сделала — я перестала прикасаться к тебе. Мне было очень страшно: если ты снова обнимешь меня, то

наши тела снова слипнутся, мои частички кожи останутся на твоих, и я передумаю.

Передумаю от тебя уйти.

Меня спасла только рационализация. Я рационализировала сама и ходила к ПТСР-специалистке, потом к другой психологине. Я узнала, что у меня РПП, потому что стало невозможно игнорировать, что еда заменила мне твои объятия. Так у меня появился специалист по РПП. Мне было так страшно растолстеть, однажды я перепутала время, и специалист не написал мне ни слова в ватсапе, просто сидел в зуме, а когда я обнаружила это, открыла комп и спросила:

— Почему вы мне не написали? Я так ждала этой встречи.

— Это же ваша ответственность, — ответил он.

Я заплакала.

Ночью я засыпала в нашей кровати одна, вздрагивала от звонков, я блочила, а потом анблочила тебя, я слышала в трубке:

Наташ, ты тут? слышишь меня?

кто это? — я знала кто.

ты спишь?.. я в лечебнице. мне очень плохо, пусик. можешь приехать?

куда?

мне нужна твоя поддержка, я пытаюсь бороться.

вау, — под одеялом становилось очень холодно, я смотрела в потолок, он молчал.

пусик?

ты молодец. нет, прости, слушай, это круто, правда, что ты решил лечиться, но я не вернусь.

я не прошу этого, я просто прошу приехать.

нет, нет.

Какая же ты тварь, — слышу я в голове свои собственные мысли, бросив трубку. Ты знаешь про него то, чего никто не знает. Он тебе все рассказал, ты знаешь, откуда эта темная сторона, обнуление, наркотическое небытие, почему он не может не уходить туда, где прячется мальчик. Он в лечебнице, значит, он осознал. Он манипулирует, он снова просит тебя спасти его. А ты бы так не сделала?

Я встаю и беру десерт из холодильника. Я ем, не чувствуя вкуса, тревога требует глотать, не жуя. Я успокаиваюсь, я засыпаю. Нужно поменять РПП-специалиста, мне стыдно признаться этому, что я сделала.

Это ваша ответственность.

Моя уместность в этом городе не очевидна. Мне не хватает его прикосновений. Я могу зайти в кафе и взять пирожное с фильтр-кофе. На секунду я становлюсь местной, никто не заподозрит, что я тут случайно. Но пирожное небольшое, когда бариста уносит пустую тарелку, я теряюсь. Кем притворяться теперь?

Довольно странный формат: день рождения в KitKat. Это же секс-клуб. Я уже была там однажды, и мне очень понравилось. Это была свобода. Он разрастался и разрастался, коридор открывал еще одну комнату, другую, бассейн, сауну, живую джаз-музыку. Я не делала ничего, чего не хотела бы, я делала что-то, что я не хотела бы вспоминать. Вокруг

меня люди, которые делают это же. Возможно, им не стыдно после. Вон мой друг решил вообще отпраздновать тут день рождения.

Компания друзей, все из разных стран, и ты среди них. Смуглая кожа, ростом мне до плеча, большие черные зрачки. У тебя все было под контролем, салфетки для туалета, трубочка для своих же наркотиков. Чтобы поцеловать тебя, приходилось наклоняться. Ты видишь, что девушка делает минет парню (я знаю, что напишу дальше и улыбаюсь, думая, что вот теперь точно не смогу показать этот текст маме), и ты сажаешь меня рядом и опускаешься на колени, рвешь сетку на моих ногах. Провокационно. Я ухмыляюсь, вспоминая. В какой момент я потеряла компанию друзей моего друга? Оказалось, что ты вообще никого там не знаешь. Это все не имеет никакого значения. Мне нравится сильный запах твоего пота.

Ты живешь в Шотландии, ты преподаешь (что-то про географию?), ты частенько приезжаешь в Берлин, ты живешь в хостеле на Осткройце, с тобой там живут такие же тусовщики. Ты спишь в моей кровати, но я встаю и ухожу голосовать — это день выборов в моей стране. Мы будем стоять в очереди 6 часов, в какой-то момент, я пойму, что мне нужно сказать соседке, что ты там, в нашей квартире, и я пойму, что совсем не знаю тебя, ты не отвечаешь в ватсапе, надеюсь, ты просто спишь, а не мчишь на такси в неизвестном направлении с моим единственным ноутбуком и наличкой из первого ящика. Я рассказываю знакомой в очереди, что была в KitKat, я улыбаюсь, вспоминая про тебя.

Я стою в этой очереди шесть часов, чтобы испортить бюллетень, сохранить мой голос. Я хочу им владеть, хочу сказать «нет». За ширмой в большом зале с колоннами — представляю, что я в спортзале своей начальной школы, туда я ходила голосовать последний раз по месту прописки — я ставлю два крестика и оборачиваюсь, мне кажется,

что кто-то подглядывает. Когда я выхожу из монументального здания с коврами на широкой бесконечной лестнице — я чувствую себя изнасилованной.

Ты высыпаясь, я хотела бы остаться с тобой, но ты идешь выпить с друзьями, а потом говоришь, что вы едете в Бергхайн, завтра с утра ты уедешь. Ты напишешь мне из такси в аэропорт, что определенно хочешь увидеться, когда вернешься. Как ты чувствуешь себя об этом? Я чувствую, что ты тут за другим.

Я говорю себе, что я должна привыкнуть к таким связям. Я говорю себе, что мне так плохо из-за наркотиков. Это всего лишь серотониновая яма, надо пережить этот день. Подушка все еще пахнет тобой.

Я думаю, познакомились ли мы, если бы я отказалась употреблять наркотики?